
В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАК РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ ВЛИЯЕТ НА ДЕСТАБИЛИЗАЦИЮ В СТРАНАХ АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОЗОНЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ*

Гринин Л. Е.**

В статье автор останавливается на некоторых аспектах долгосрочного влияния исламизма (особенно радикального) и в целом религиозного фактора на возможные процессы дестабилизации в Афразийской макроне нестабильности в будущем. Эта макроне включает в себя территории зоны Сахеля в субсахарской Африке, Северную Африку, Ближний и Средний Восток, в том числе и территорию бывшей советской Средней Азии, являясь наиболее нестабильной зоной в Мир-Системе. Мы считаем, что феномен исламизма, поскольку он порождает в качестве своего крайнего крыла радикализм, на довольно длительное время создает важную основу для дестабилизации. И в этой связи поддержка умеренного исламизма с целью отрыва его от радикального является одним из важнейших способов минимизации опасности радикализма и дестабилизации общества. Особо была исследована ситуация в зоне Сахеля, где исламизм в основном еще неразвит. Однако эти общества оказались, с одной стороны, восприимчивы к радикализму и терроризму, поскольку радикалы из стран Ближнего Востока и Северной Африки достаточно легко вербуют здесь сторонников и добровольцев, а с другой – эти страны (из-за отсутствия опыта, недостаточного уровня развития государственного аппарата, быстрорастущего населения, включая городское, и других причин) во многом оказались беспомощными против террористов. В результате некоторые из них становятся базами последних. Был сделан прогноз, что с течением времени (однако не скоро) роль радикализма начнет уменьшаться на Ближнем Востоке и одновременно расти в странах зоны Сахеля. Причем последнее будет происходить существенно быстрее первого. В статье также исследована ситуация в обществах, где мусульмане являются меньшинством, а именно в Китае и Индии.

Ключевые слова: Афразийская макроне нестабильности, дестабилизация, зона Сахеля, радикализм, религиозный фактор, Ближний Восток, революции, умеренный исламизм, радикальный исламизм.

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., в. н. с. Института востоковедения РАН, руководитель Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования. E-mail: lgrinin@mail.ru.

In this article the author focuses on some aspects of the long-term impact of Islamism (especially radical Islamism) and in general of the religious factor on possible processes of destabilization in the Afrasian macrozone of instability in the future. This macrozone includes the Sahel region in sub-Saharan Africa, North Africa, and the Middle East, including the territory of the former Soviet Central Asia, which is the most unstable zone in the World-System. We believe that the phenomenon of Islamism, as it generates radicalism as its extreme wing, provides an important basis for long-term destabilization. In this regard, supporting moderate Islamism in order to separate it from radical Islamism is one of the most important ways to minimize the risk of radicalism and destabilization of society. The situation in the Sahel region, where Islamism is still largely undeveloped, has been particularly investigated. However, these societies have proven susceptible to radicalism and terrorism, since radicals from the Middle East and North Africa can easily recruit supporters and volunteers, on the one hand, and on the other hand, due to a lack of experience, underdeveloped state apparatus, rapidly growing population, including urban population and some other reasons, they were largely helpless against terrorists. As a result, some of them are becoming bases for the latter. It has been predicted that over time (but not soon) the role of radicalism will begin to diminish in the Middle East and will simultaneously increase in the countries of the Sahel region. Moreover, the latter will occur much more rapidly than the former. The article also examines the situation in societies where Muslims are a minority, namely China and India.

Keywords: *Afrasian macrozone of instability, destabilization, Sahel region, radicalism, religious factor, Middle East, revolutions, moderate Islamism, radical Islamism.*

Что такое Афразийская макрозона нестабильности?

В современной Мир-Системе можно выделить целый ряд крупных зон нестабильности, которые в Афразии составляют единую непрерывную «**Афразийскую макрозону нестабильности**». Она включает в себя Центральноазиатскую зону (Средняя Азия, Афганистан и Пакистан), Ближний Восток, Север Африки и регион Сахеля, располагающийся южнее североафриканских арабских государств. На рис. 1 можно ясно увидеть как Афразийскую макрозону нестабильности целиком, так и все ее составные части. Эта макрозона в настоящее время сосредоточила в себе наибольшую концентрацию как внутригосударственной, так и межгосударственной социально-политической напряженности. С учетом того, что она прилегает к границам России, сливаясь со *складывающимся поясом реальных и потенциальных цветных революций*, проходящим в основном по крайним государствам бывшего СССР, исследование развития этой макрозоны представляет особую актуальность [подробнее об АМН см.: Коротаяев, Исаев, Руденко 2015; Коротаяев, Гринин, Исаев 2021].

Рис. 1. Афразийская макророна нестабильности

Вводные замечания о терроризме и радикализме

На страницах этого журнала мы уже обсуждали проблемы исламизма [Гринин 2019в]. В данной работе я остановлюсь только на некоторых аспектах долгосрочного влияния исламизма (особенно радикального его крыла) и в целом религиозного фактора на возможные процессы дестабилизации в Афразийской макророне в будущем.

Поскольку исламизм выражает глубинные представления и идеалы основной части населения многих исламских стран, этот фактор является очень важным. Особенно учитывая, что идеологически исламизм организован так, чтобы противопоставлять «единственно верное учение» неверным, праведный образ жизни (согласно требованиям исламских источников мудрости) – неправедному. На этой базе время от времени усиливается радикализм. Исламизм имеет тенденцию к радикализации при изменении ситуации, в частности при попытках лишить исламистов возможности легально участвовать в политическом процессе. Всегда можно ожидать рецидива радикализации [Osman 2016: xix]. Иногда исламизм (как и любое другое течение) видоизменяется на новой почве, в частности в Европе. Общеизвестно, что здесь он порой получает новые идеи и становится особенно радикальным [*Ibid.*: 245]. Однако мало кто знает, что в Европе же исламизм начинает довольно часто модернизироваться в устраивающем всех направлении (см. об этом ниже). Мы отмечали, что поддержка умеренного исламизма с целью отрыва его от радикального является одним из важнейших способов минимизации опасности радикализма и дестабилизации общества (см.: Гринин 2019б; 2019в; 2019г; Гринин, Коротаев 2019). Но далеко не везде это осознается или удается претворить на практике.

Хотя есть исследования, в которых пытаются доказать, что большинство участников террористических актов отличались невежеством, малограмотностью, глупостью или подверглись «промыванию мозгов» [см. об этом: Джанаби 2015: 54–55; Вуман 2005; 2007; 2011], либо что главной причиной экстремизма и нетерпимости является отсутствие образования, полагаем, что это упрощение. Разумеется, «промывание мозгов» всегда присутствует в тоталитарных группах и идеологиях. И среди их последователей имеется определенное число малограмотных и недалеких людей, готовых поддаться внушению. Однако, напротив, дело обстоит таким образом, что рост терроризма связан с ростом грамотности и образованности, поскольку такие движения не могут существовать и развиваться в малограмотных обществах. Они поднимаются в модернизирующихся обществах, где уровень грамотности растет, но в целом общества еще остаются недостаточно образованными, с большой разницей в этом плане между различными группами населения.

Поэтому, на наш взгляд, главным союзником в борьбе с террором может быть умеренный исламизм при правильной политике в отношении него. Так, Д. Ачилов и С. Сен провели сравнительное исследование умеренного и радикального исламизма, в том числе и в отношении различий в социальных характеристиках их приверженцев. Выяснилось, что политически умеренные мусульмане все же чаще имеют более высокий уровень образования и более активны в гражданском обществе и что более высокий уровень образования, социального статуса, соответствующего социального капитала и вовлечение в политическую деятельность также коррелируют с поддержкой умеренных взглядов [Achilov, Sen 2017: 618]. То есть при достижении достаточно высокого уровня образования последнее будет способствовать снижению роли террора. Все это дает некоторую надежду, что постепенно с ростом образованности и благосостояния терроризм все же пойдет на убыль, хотя полной уверенности в этом нет.

Периодами радикализм порождает боевые движения и организации, которые противопоставляют себя «тлетворному и развращенному» Западу. Соответственно возникает глобальная напряженность, в которую вовлекаются довольно разветвленные и крупные силы. Формы этих движений могут быть разные, и они эволюционируют. Мы видели законспирированные ячейки «Аль-Каиды»¹, исламские государства под управлением радикальных течений вроде талибов в Афганистане (ставшем убежищем для главных сил «Аль-Каиды»), разветвленную сеть социальных ячеек «Братьев-мусульман»¹ [см.: Osman 2016; Grinin *et al.* 2019; Гринин, Коротаев 2019], радикализм которых после 2013 г. усилился. Наконец, мы видели возникновение крупного анклава крайнего радикализма в виде «Исламского государства»¹, наиболее радикальной в смысле мировоззрения организации государственного типа [о нем см.: Гринин, Исаев, Коротаев 2016: гл. 5]. Наличие таких образований ведет к повсеместному напряжению, попыткам радикалов так или иначе захватить базы и территории. Несомненно, радикализм подпитывает международный терроризм, который дезорганизует жизнь не только в Афразийской макроне нестабильности, но и в Европе и других регионах. Ярким примером здесь выступает международная террористическая организация «Боко харам»¹, наводящая ужас на жителей Нигерии и других африканских стран.

¹ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

Мы считаем, что феномен Исламского возрождения и быстрого и повсеместного распространения исламизма, поскольку он порождает в качестве своего крайнего крыла радикализм, сам по себе на довольно длительное время создает важную основу для дестабилизации. Исламисты, даже умеренные, принимающие правила игры, стремятся к власти в своих странах. Добившись ее, они обычно начинают в той или иной мере менять законодательство и другие стороны жизни (ибо исламизм в основе своей – идеология, которая считает, что исламские ценности, законы и правила должны определять всю гражданскую жизнь). Такой крен неизбежно ведет к расколу общества, вступает в противоречие с законами экономической жизни и обостряет противостояние со светской властью. Пример «Братьев-мусульман» в Египте, пришедших к власти в результате выборов в 2011–2012 г., очень показателен в описанном плане. Военный переворот и вытеснение «Братьев-мусульман» в подполье стали результатом таких их поползновений. Мы не говорим уже о попытках радикальных исламистов захватить власть, что приводит к расколу общества. До сих пор еще не побежденные группировки из так называемого «Исламского государства» на севере Сирии и Ирака наглядно напоминают, что возможность образования радикальных территориальных образований в будущем вполне вероятна. И чем больше хаоса будет в регионах Афразийской макрзоны нестабильности, тем это вероятнее [см. об этом: Гринин, Исаев, Коротаев 2016; Коротаев, Соковнина, Шадрова 2020; Schumacher, Schraeder 2019]. В зоне же Сахеля (ориентируясь на разгул там террористических организаций) в будущем это тем более вероятно (о причинах см. ниже). И в этой связи поддержка умеренного исламизма с целью отрыва его от исламизма радикального есть один из важнейших способов минимизации опасности радикализма и дестабилизации общества [см. также: Гринин 2018; 2019в; 2019г; 2020а].

Радикализм в Африке

Однако важно отметить следующее. Исламизм неодинаков по уровню своего развития в разных частях Афразийской макрзоны нестабильности. Он более зрелый (трансформирующийся в постисламизм) в таких странах, как Иран, Турция или Пакистан [см.: Его же 2020а]. Он колеблющийся (от умеренного к радикальному) в странах Северной Африки (Египте, Тунисе, в меньшей степени в Марокко), фундаментально-государственный в Саудовской Аравии и других странах Залива [см.: Там же], традиционно (с конца 1970-х гг.) радикально-воинственный в Афганистане. Но он еще недостаточно зрелый в странах зоны Сахеля, кроме, пожалуй, Судана. Незрелость исламизма в странах Африки заключается в том, что он наиболее ярко представлен именно радикальным, террористическим исламизмом (но собственно массовой, охватывающей большинство населения базы исламизм не имеет, поэтому у власти находятся светские режимы). Не менее важно, что основное происхождение террористических организаций связано с влиянием радикалов извне: с территории Северной Африки и Ближнего Востока («Аль-Каиды» и ИГИЛ)².

² О влиянии «Исламского государства» на всплеск террористической активности в странах Азии, в том числе исламских (Филиппины, Индонезия, Малайзия и др.), см. в [Коротаев, Соковнина, Шадрова 2020]. Обращаем внимание, что под знамена «Исламского государства»

«Аль-Каида» активно наращивала присутствие в разных странах Африки, особенно с начала 2000-х гг., создавая дочерние организации вроде алжирской «Аль-Каиды исламского Магриба» (АКИМ), которая смогла даже создать свою тыловую базу в Мали. В последней были созданы и собственные организации, например, «Фронт освобождения Масына» (ФОМ), «Движение за единство и джихад в Западной Африке» (ДЕДЗА), «Ансар ад-Дин» – исламистская террористическая группировка туарегов, созданная в 2011 г. [Гончаров 2017; о разгуле терроризма здесь см. также: Газетов, Ветров 2020]. Не так давно информационное агентство Мавритании *Nouakchott News* сообщило о слиянии двух экстремистских групп в Сахаре и образовании новой джихадистской организации «Al-Murabitun Brigade», провозгласившей своей целью объединение мусульман «от Нила до Атлантики под салафитским флагом» [Газетов, Ветров 2020]. С 2012–2014 гг. стало резко ощутимым влияние «Исламского государства», причем оба центра терроризма и радикализма остро соперничали за влияние в странах Сахеля и других государствах. Правда, обострение соперничества между ними лишь привело к значительной интенсификации террористической борьбы на Африканском континенте [Гончаров 2017]. В 2019 г. деятельность террористических и других экстремистских группировок в сахельских странах приобрела новый масштаб.

По данным Секретариата ООН, в Буркина-Фасо с января по ноябрь 2019 г. было совершено 488 террористических атак против 150 в 2018 г., в Нигере – 118 против 69. В 2019 г. в результате террористических операций в Мали погибли 1507 человек, в Буркина-Фасо – 918, в Нигере – 404. Численность перемещенных лиц достигает 1 млн человек [ООН 2019: 2/26; Корендясов 2020].

Однако нужно заметить, что экспорт радикального исламизма распространился и далеко за пределами собственно зоны Сахеля. Последняя включает в себя 11 государств (Сенегал, Мавритания, Мали, Алжир, Буркина-Фасо [бывшая Верхняя Вольта], Нигер, Нигерия, Камерун, Чад, Судан и Эритрея) с общим населением более 300 млн человек (правда, почти две трети из них – население Нигерии³). Но в зоне террористических атак живут 20 млн человек, что создает серьезные гуманитарные проблемы и основания для дестабилизации. Иногда в эту зону также включают государства Западную Сахару, Гамбию и Кабо-Верде (бывшие Острова Зеленого Мыса, но это более спокойная туристическая страна), а также некоторые районы Эфиопии. Культурную специфику Сахеля определяет ислам суннитского направления. Лишь на юге мезорегиона (особенно в Буркина-Фасо, Мали) сохранились приверженцы местных традиционных верований. В Кабо-Верде (бывшей португальской колонии) господствует католическая религия.

встали группировки в целом ряде стран Ближнего Востока: Ливии, Тунисе, Алжире, Йемене и даже в Иордании. И эти группировки стали передаточными звеньями в распространении идеологии ИГ и терроризма в Африке южнее Сахары.

³ Большинство этих государств – со сравнительно небольшим населением (до 10 млн, максимум 18 млн человек, как в Буркина-Фасо или Нигере). Например, в Мавритании – 3,5 млн человек, в Гамбии – около 2 млн, в Западной Сахаре и Кабо-Верде – и вовсе чуть более 500 тыс. человек.

Рис. 2. Географическая зона Сахеля в Африке

Источник: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сахель>.

Стоит уточнить, что крупнейшая в Африке по населению Нигерия в зону Сахеля почти не входит (только сравнительно небольшой ее район на северо-западе страны относится к Сахелю). Однако именно в Нигерии действует одна из наиболее активных и мощных террористических организаций «Боко харам», наводящая ужас на целые районы этой страны. Неудивительно, что в 2014 г. Нигерия вышла на второе место в мире (после Ирака) по числу погибших вследствие терроризма (7512 человек). «Боко харам» в том же году оказалась самой смертоносной террористической организацией в мире: на ее счету было 6644 убитых в терактах [Костелянец 2016: 105]⁴. Однако связь у терроризма в Нигерии с зоной Сахеля имеется. Дело в том, что «Боко харам» была основана Мохаммедом Юсуфом примерно в 2002 г. в городе Майдугури, административном центре федерального штата Борно, находящемся именно в зоне Сахеля. Но если Нигерию еще как-то можно связывать с Сахелем, то Восточную Африку (кроме Эритреи) – нет. Между тем в 2016 г. (на основе сомалийской «Аш-Шабаб») была создана новая террористическая организация с весьма характерным названием «Исламское государство Сомали, Кении, Танзании и Уганды» (ИГСКТУ), известное как «Jahba East Africa». Основу новой группировки составляют выходцы из стран Восточной Африки [Гончаров 2017]. Особая роль в распространении радикального исламизма в Восточной Африке, как мы видим, принадлежит Сомали. И, наверное, это не случайно, а подтверждает идею, что *развал государственности и длительный период анархии – исключительно питательная среда для роста радикализма и терроризма* [см.: Гринин 2012; Гринин и др. 2017; Гринин, Исаев, Коротаев 2016; Коротаев, Соковнина, Шадрова 2020; Schumacher, Schraeder 2019]. Все это показывает, что **Афразийская макрозона нестабильности имеет очень обширную**

⁴ Однако в 2016 г. лавры самой жестокой в мире террористической организации «Боко харам» уступила сомалийской «Аш-Шабаб». Если жертвами первой стали 3499 человек, то от рук второй пали 4281 человек [Гончаров 2017].

периферию и, главное, может существенно расшириться в будущем за счет других регионов Африки.

В целом же терроризм, среди которого исламский стоит на первом месте, в африканских странах вне Сахеля, к сожалению, сильно распространен (например, в Ливии, Сомали, Кении, Демократической Республике Конго, Камеруне). И в первой двадцатке государств мира, наиболее подверженных угрозе терроризма, половину составляют именно африканские страны [Костелянец 2016: 105]. **Как это ни печально, приходится прогнозировать, что усиление терроризма в Африке продолжится.**

Хотя «Исламское государство» потерпело в Сирии и Ираке поражение, однако для Африки это обернулось ростом терроризма. Снижение активности ИГ в Ираке и Сирии компенсируется, в частности, ростом его террористических вылазок в Западной Африке, особенно, как мы видели, в зоне Сахеля. Что касается Черного континента, то действующие здесь его порождения в лице «Исламского государства Большой Сахары» (ИГБС), «Западноафриканской провинции Исламского государства», а также местные филиалы «Аль-Каиды», такие как «Аль-Каида исламского Магриба», «Группа поддержки ислама и мусульман» и другие группировки, привлекают в свои ряды новых адептов и расширяют масштабы своей террористической активности [Гончаров 2020]. Для нас важно отметить, что при этом *они пытаются использовать модель трансграничной дестабилизации, апробированной на Ближнем Востоке на границе Ирака и Сирии, в зоне Сахеля на границах Мали, Буркина-Фасо и Нигера для создания здесь еще одного очага напряженности, грозящего дестабилизировать весь регион Западной Африки* [Там же].

Таким образом, ситуация в зоне Сахеля показывает, что, хотя исламизм в основном еще не развит (или, скорее, благодаря этому), данные общества оказались восприимчивы к радикализму и терроризму. Это проявляется в том, что радикалы из стран Ближнего Востока и Северной Африки достаточно легко вербуют здесь сторонников и добровольцев. А с другой стороны, эти страны во многом оказались беспомощными против террористов (из-за отсутствия опыта, недостаточного уровня развития государственного аппарата, быстрорастущего населения, включая городское⁵, и других причин). Исключение в этом смысле составляет лишь Нигерия. В результате некоторые из этих государств становятся базами для распространения террора. Поэтому ряд стран, таких как Мали и Нигер, нуждаются во внешней помощи в борьбе против терроризма.

Слабость государственности в Мали вновь подтвердилась военным переворотом в августе 2020 г. Можно согласиться, что любое ослабление центральной власти в Мали может привести к новому усилению ИГ и «Аль-Каиды» [Артамонов 2020]. Усиление джихадистов в зоне Сахеля в 2020 г. совпало с пандемией и сокращением усилий по борьбе с терроризмом. В апреле 2020 г. эксперт лондонского Института глобальных изменений Булама Букарти написал в своем блоге, что уже есть «признаки того, что группы джихада на континенте пытаются воспользоваться пандемией, чтобы развязать насилие и набрать новых членов». Он констатирует очевидный факт, что «ограниченные ресурсы, предназначенные для сил государственной безопасности, борющихся с экстремистами, придется отвлечь на борьбу с распространением коронавируса» [см.:

⁵ О связи урбанизации, с одной стороны, роста насилия и терроризма – с другой см.: Гринин, Коротаев 2009; Смысловских и др. 2020.

Филиппов 2020]. Таким образом, любое негативное событие усиливает рост терроризма.

Мы предполагаем, что с течением времени (однако не скоро) роль радикализма начнет уменьшаться на Ближнем Востоке и одновременно расти в странах зоны Сахеля. Причем последнее будет идти существенно быстрее первого. В зоне Сахеля роль радикализма в будущем существенно возрастет, а с учетом мощного демографического роста и наличия очень крупных «молодежных бугров» [см.: Коротаев, Айсин и др. 2020] его дестабилизационный потенциал будет тем более высок.

Противостояние Запада и радикальных исламистов в зоне Сахеля уже довольно ощутимо. В частности, европейцы представляют для террористов особенно привлекательные цели (говорят о них в СМИ явно больше). Некоторые страны, не будучи в состоянии сами справиться с террористическими группами, обращаются за помощью к западным странам. Иницилируемые странами Запада международные санкции против стран – спонсоров террористов, в частности Судана, применяются уже давно и даже безрезультатно [Костелянец 2016: 103].

Исламский терроризм в Африке получает распространение с 1979 г. Новой вехой в его становлении становится приход к власти в Судане президента этой страны Омара аль-Башира⁶, который в 1991 г. предоставил убежище активистам движения «Аль-Каида», и в их числе знаменитому Усаме бен Ладену, а также таким течениям, как «Хамас», «Хезболла», «Аль-Гамаа аль-Исламия» («Исламский джамаат»). Участники последней в 1995 г. совершили покушение на лидера Египта Хосни Мубарака [Торин 2017].

Франция, которая традиционно рассматривает западноафриканские страны как свою геополитическую и культурную зону, уже осуществляла военную интервенцию в Мали в 2013 г.⁷ Одной из ее целей была именно борьба с терроризмом. Франция также осуществляет контртеррористическую операцию «Бархан» в зоне Сахеля. А Нигер, подвергаемый террористическим атакам, не только активно участвует в миротворческой миссии ООН МУНИСМА, но и является главной базой для американских дронов и центром координации французских военных операций в зоне Сахеля под кодовым названием «Бархан» [Гончаров 2017].

О том, что в течение ближайших десятилетий исламизм как фактор дестабилизации в странах, уже в значительной мере «переболевших» им в радикальных формах, может ослабнуть, говорят следующие факты. В странах, где в последней четверти XX в. были удачные или неудачные религиозные (исламские) революции, как, например, в Судане и Алжире, им на смену приходят революции другого типа: политические (антидиктаторские). Между тем вспомним, что исламисты вели длительную гражданскую войну в Алжире в 1992–2002 гг. В Иране мы также наблюдаем гражданские, а не религиозные массовые протесты (во время зеле-

⁶ В 2019 г. он был свергнут в результате военного переворота.

⁷ Одновременно Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) выделило 3300 солдат для операций в Мали из состава межафриканских сил, созданных из подразделений девяти западноафриканских стран: Нигерии, Того, Бенина, Сенегала, Нигера, Гвинеи, Ганы, Буркина-Фасо и Чада [Газетов, Ветров 2020].

ного движения в 2009 и 2020 гг.). Показательно, что Саудовская Аравия стала активно бороться с влиянием «Братьев-мусульман» [см.: Гринин 2020б].

Но, повторим, стойкое снижение опасности радикализации исламизма случится не скоро. К этому времени также снизится рождаемость в большинстве исламских стран, что резко уменьшит и базу радикализма. Однако в зоне Сахеля база для него, напротив, возрастет за счет растущей доли горожан и стабильно высокой доли молодежи в населении. Ускорению снижения опасности радикализма во многом могла бы способствовать правильная политика в отношении умеренных исламистов, привлечение их на сторону светских властей и интегрирование в политическую систему. Об этом мы уже много писали [Гринин 2018; 2019а; 2019б; 2020а].

Конфессиональные основания нестабильности

Как мы уже говорили, наиболее важной (и постоянной в этом плане) основой для конфронтаций служит деление исламского мира на шиитов и суннитов, что наиболее наглядно проявляется в Сирии и Ираке, не даром же ИГИЛ возникла именно на севере этих стран (конечно, много серьезных противостоятелей есть и у других конфессий и течений, но в данной статье об этом нет возможности говорить)⁸. И в условиях влияния других факторов, связанных с реконфигурацией и геополитикой, например, борьбы за влияние между Саудовской Аравией и Ираном в регионе, попыток насадить западную модель демократии в многоконфессиональных странах, это ведет к усилению нестабильности. Так, введение демократии в Ираке привело к тому, что сунниты, прежде бывшие у власти, потеряли свое влияние, что привело к серьезным изменениям: фактической потере США Ирака, усилению влияния Ирана, возникновению ИГ и др. Напомним также, что нефтеносные провинции Саудовской Аравии населены шиитами, и эту карту пытается разыграть Иран. Незаживающей раной такого противостояния также является борьба противоположных сил в Йемене. И в условиях усиления внутрирегиональной борьбы религиозно-конфессиональное противостояние долго будет важной причиной не просто вероятных, а неизбежных потрясений и дестабилизаций в ряде обществ и провинций Афразийской макрзоны.

Исламская дальняя периферия Афразийской макрзоны нестабильности

Помимо основной территории Афразийской макрзоны нестабильности, где основное население – мусульмане, важно отметить и проблемы мусульман в странах, где, во-первых, они не составляют подавляющего большинства. Наиболее ярким примером здесь служит Нигерия, где 50 % нигерийцев – мусульмане, 40 % – христиане. Ситуация в Нигерии с радикализмом, как мы видели выше, тревожная. Во-вторых, в странах, где мусульмане являются меньшинством и чувствуют себя ущемленными. На этом моменте мы далее и остановимся.

Речь идет о двух крупнейших странах Мир-Системы: Индии и Китае. К сожалению, приходится признать, что указанные проблемы и расширяют существенно периферию Афразийской макрзоны нестабильности, и создают на этой перифе-

⁸ Приведем в пример западные районы Индии (периферия Афразийской макрзоны нестабильности). Там в последние десятилетия напряженность между индусами и сикхами (которых насчитывается 2 % от общего населения, но много в штате Пенджаб) вызвало в Пенджабе рост сепаратизма и создание террористических групп. Хотя в настоящее время эта проблема не так остра, как пару десятилетий назад, однако она никуда не делась. В последние годы также обострились отношения между индусами и христианами.

рии условия для долгосрочных причин возможной дестабилизации (что, как мы увидим ниже, дополнительно усиливается геополитическими и пограничными противоречиями крупных мировых и региональных игроков). Действительно, исламское меньшинство в некоторых странах – это огромная часть населения. Например, в Индии это меньшинство составляет более 200 млн человек, то есть по абсолютной численности мусульмане в Индии уступают только единоверцам из Индонезии и Пакистана. В Китае мусульман, правда, намного меньше, но совсем немало (примерно 25 млн человек). Однако очень существенно, что они составляют большинство населения огромного по территории Синьцзян-Уйгурского автономного района. С одной стороны, многие уйгуры по тем или иным причинам недовольны китайскими властями. Помимо давних исторических обид сильное недовольство вызывает и активное переселение на эти территории этнических ханьцев. Этнические китайцы уже составляют не менее 40 % всего населения автономного района. С другой стороны, сепаратизм уйгуров активно поддерживают США и западные страны, которые подвергают Китай жесткой критике за то, что тот преследует мусульман-уйгуров. С приходом к власти администрации Байдена эта антикитайская кампания началась с новой силой. Понятно, что китайские власти ведут борьбу не с религиозными убеждениями, не с исламом, а с сепаратизмом. Но конфессиональные различия с учетом исторических особенностей делают этот сепаратизм особенно упорным и непримиримым. Такая поддержка со стороны западных стран дополнительно подпитывает уйгурский сепаратизм и порождает терроризм, вызывая волнения (например, довольно сильные волнения были в 2008 г., в год Олимпийских игр в Китае, что, как понятно, было вовсе не случайным совпадением). *Таким образом, уйгурский национализм, замешанный на религиозной основе, остается существенным фактором возможной нестабильности в регионе на длительный период.*

Мусульманское меньшинство в Индии и опасность будущих дестабилизационных явлений

Противоречия между мусульманами и индуистами в Индии имеют давнюю историю, насчитывая уже более столетия. И до сих пор трения, а порой и прямые противостояния между индуистами и мусульманами являются одной из главных линий напряжения в обществе⁹. Это противостояние обострилось с 1920-х гг., особенно после выборов в провинциальные законодательные собрания в 1937 г., и вызвало мощнейшую волну перемещений, затронувших в общей сложности 12–14 млн человек в Индии, Пакистане и Бенгалии (ныне Бангладеш). Это противостояние отчетливо проявлялось не только в Индии, но также в Пакистане и Бенгалии [Белокреницкий 2008: 327–329]. Неудивительно, что оно является труднорешаемой проблемой. Ведь ислам, как и индуизм, – это не просто религия, но и образ жизни [Клюев 2002; Юрлова 2007]. Оба этих образа жизни очень несходны, все попытки их примирить и в эпоху Акбара в XVI в., и в период действия Индийского национального конгресса, и в другие времена оканчивались неудачей. Один только факт скажет сам за себя. В Индии, по сути, существуют разные семейно-гражданские кодексы для индуистов и мусульман. Это объясняется тем,

⁹ Об этом свидетельствует, например, и тот небезынтересный факт, что в 2005 г. нынешнему премьеру Н. Моди, который в то время был губернатором, отказали в выдаче визы в США, обвинив его в разжигании насилия в Гуджарате, когда от рук индуистских радикалов погибло более тысячи мусульман [Арманьян 2015].

что у первых моногамия, а у вторых разрешена полигамия. И создать единый кодекс для всех пока невозможно.

Усиление мусульманского коммунизма связано и с той довольно тревожной тенденцией, что объективно мусульмане в Индии в отношении уровня образования, благосостояния и общественного положения превращаются в граждан второго сорта по сравнению с индуистами, что дополнительно обостряет отношения между конфессиями [о причинах см.: Гринин, Коротаев 2016: гл. 8]¹⁰.

Как уже сказано выше, исламское меньшинство в Индии в абсолютных цифрах огромно. Однако особенно важно то, что в некоторых штатах процент проживающих мусульман очень высок. Например, в штате Джамму и Кашмир, который стал источником индо-пакистанского противостояния уже с момента раздела Индии, мусульмане составляют в среднем 2/3 населения, а в собственно Кашмире – 97 %. Естественно, что конфронтация религиозных общин здесь становится источником очень серьезных проблем. Для того чтобы как-то смягчить проблему, с самого момента образования собственно государства Индии (соседом и вечным соперником которой стал исламский Пакистан) Джамму и Кашмир сделали единственным штатом в Индии, который пользовался особым автономным статусом по ст. 370 Конституции Индии. Согласно этой статье ни один закон, принятый в индийском парламенте, не действует на территории Джамму и Кашмира, пока не будет ратифицирован парламентом штата, за исключением законов по вопросам обороны, связи и внешней политики. Впоследствии юрисдикция Верховного суда Индии над Джамму и Кашмиром была продлена. Данный штат имеет собственный флаг и конституцию, и индийцы из других штатов не могут купить здесь землю или недвижимость.

С приходом к власти в Индии националистической партии «Бхаратия джаната парти» и ее союзников резко усилился крен в Индии в сторону индусского великодержавного национализма, который стал так или иначе нарушать права мусульман. Особенно наглядно это проявилось в отношении лишения и сокращения части указанных выше прав штата Джамму и Кашмир¹¹. Это решение также обострило международные и геополитические противостояния, прежде всего между Индией и Пакистаном. И возникший в 2019 г. конфликт Индии и Пакистана, на мой взгляд, отличается от предыдущих случаев, поскольку вина за него ложится в основном на Индию, тогда как в предшествующие периоды виновен был скорее Пакистан. И надо отдать должное последнему, он вел себя достаточно сдержанно.

С учетом того, что между КНР и Индией существует давний территориальный спор о принадлежности участка горной территории на севере Кашмира, решение Индии было неодобрительно воспринято и в Китае, тем более что у последнего, как мы видели выше, и так достаточно проблем с мусульманами. Если же учесть, что Синьцзян имеет сухопутную границу с северными территориями бывшего штата Джамму и Кашмир, то усиление исламских страстей рядом с беспокойным районом Синьцзяна не может радовать Китай. К тому же эти территории пред-

¹⁰ К тому же средства и пропаганда из Саудовской Аравии и других стран Ближнего Востока способствовали возникновению в Индии ряда довольно экстремистских течений и групп. Кроме того, определенные связи имелись между исламистами в Афганистане и Индии.

¹¹ Кроме того, в этом же 2019 г., но несколько позже, власти Индии приняли решение относительно переселенцев в штате Ассам, которое было дискриминационным именно в отношении мусульман. В результате около двух миллионов человек исламского вероисповедания оказались под угрозой депортации.

ставляют собой узел противоречий. Часть их контролируется Пакистаном, некоторые находятся под юрисдикцией Китая. КНР также планировала через эти спорные территории проложить магистрали для реализации своего проекта Южного шелкового пути. Решение Индии резко осложняет и без того довольно сложный китайский проект, поэтому китайская реакция на решение Индии по Джамму и Кашмир вполне понятна.

К сожалению, решение Индии по статусу штата Джамму и Кашмир является, мягко говоря, непродуманным и опрометчивым. Это может потешить амбиции представителей националистической ныне правящей партии «Бхаратия джаната парти» и ее сторонников, но в будущем увеличит проблемы. Джамму и Кашмир и без того был очень беспокойной территорией, но найденный ранее конституционный компромисс все же поддерживал хрупкий мир. Теперь Индии придется рассчитывать больше на силу, что опасно. Это решение закладывает дополнительные мины под уже имеющиеся бочки с порохом.

Таким образом, северо-западные территории Индии, населенные мусульманами, можно рассматривать как потенциально опасные с точки зрения дестабилизационных процессов в течение длительного времени.

* * *

И в заключение можно задаться вопросом: *в чем историческое значение исламистского радикализма?* Очевидно, что он не может стать победоносной идеологией на широком фронте, поскольку, как и любое радикальное учение, не приспособлен к практическим потребностям. По нашему мнению, **его историческая роль негативна**. Он отторгает от себя (постепенно, хотя и медленно) большинство мусульман посредством терроризма и отрицания множества важных вещей, вынуждает Запад быть более подозрительным в отношении ислама, постепенно заставляет искать особые пути интеграции исламских стран в мировое развитие. **Позитивная его роль** (насколько об этом можно говорить) заключается в следующем: а) периодами он выступает как таран, способный разрушить коррупционные и застойные формы политической жизни, хотя цена такого разрушения очень велика; б) общества приобретают важный общественный и исторический опыт, который должен помочь интегрировать исламизм в общемировое мировоззрение и в какой-то мере трансформировать западное мировоззрение, претендующее на мировой эталон; в) исламизм является одним из течений, способствующих реконфигурации Мир-Системы [см. об этой реконфигурации: Гринин 2012; 2020а; Гринин и др. 2015]. *При этом можно предположить, что завершение данной разрушительной фазы процесса реконфигурации приведет к закату радикализма и терроризма в некоторых частях Африканской макрзоны, кроме сахельской* [см. об этом: Гринин 2020а].

Литература

Арманыян Н. Роль Индии в противостоянии США, России и Китая (“Publico.es”, Испания) [Электронный ресурс] : ИноСМИ 9 февраля. 2015. URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>.

Артамонов А. Хрупкость Сахеля. Почему военный переворот в Мали сулит проблемы всему миру. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://republic.ru/posts/97554>.

Белокреницкий В. Я. Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане // Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008. С. 326–346.

Газетов В., Ветров М. Сахель под прицелом [Электронный ресурс] : Независимое военное обозрение 14 ноября. 2020. URL: https://nvo.ng.ru/wars/2014-09-26/1_sahel.html.

Гончаров В. О джихадистском движении в Африке [Электронный ресурс] : Международная жизнь. 2017. 4 декабря. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18895>.

Гончаров В. Африка: джихад крепчает выше экватора. Международная жизнь. 2020. 21 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26398>.

Гринин Л. Е. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 3. Арабская весна 2011 года / отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М. : ЛКИ/URSS, 2012. С. 188–223.

Гринин Л. Е. Исламизм как социально-экономический феномен // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 10 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград : Учитель, 2019а. С. 36–66.

Гринин Л. Е. Исламизм и процессы глобализации // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 10 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград : Учитель, 2019б. С. 6–35.

Гринин Л. Е. Исламизм и глобализация // Век глобализации. 2019в. № 1. С. 18–34. DOI: 10.30884/vglob/2019.01.02.

Гринин Л. Е. Исламизм: история и современность // История и современность. 2019 г. № 2. С. 3–35.

Гринин Л. Е. Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к советским режимам и государственной идеологии // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград : Учитель, 2020а. С. 829–853.

Гринин Л. Е. Глобальная и региональная геополитика как дестабилизационный фактор в Афразийской зоне нестабильности // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград : Учитель, 2020б. С. 517–527.

Гринин Л. Е., Билога С. Э., Коротаев А. В., Гринин А. Л. 2017. Возраст государства и социально-политическая дестабилизация: предварительные результаты количественного анализа. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель, 2017. С. 141–169.

Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2-е изд. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. Полис // Политические исследования. 2009. № 4. С. 34–52.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2019. Исламизм и его роль в исламском обществе: общие характеристики, функции и социальная база // Исламистские движения на политической карте современного мира. Вып. 3. Афразийская зона нестабильности / под ред. А. М. Васильева, А. Д. Саватеева, Л. Е. Гринина. М. : Ин-т Африки РАН, 2018. С. 29–72.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2015. Введение. Реконфигурация Мир-Системы и усиление рисков политической нестабильности // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 6. Украинский разлом / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Л. М. Исаева, А. Р. Шишкиной. Волгоград: Учитель. С. 4–19.

Джаноби М. М. Политическая идея современного исламоцентризма (Философско-культурологический анализ) // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд, 2015. С. 42–96.

Клюев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М. : ИВ РАН, 2002.

Корендясов Е. Н. Сахель: джихадисты вновь наступают. Что делать? 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/sahely-dzhiha-dist-vnovy-nastupayut-chto-delaty>.

Коротаев А. В., Айсин М. Б., Зинькина Ю. В., Романов Д. М. К прогнозированию структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Африканской макрзоны нестабильности и Африки южнее Сахеля // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2020. С. 200–238.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М. Введение. Африканская макрзона нестабильности как главный источник рисков дестабилизации в современной мир-системе // Количественный анализ и прогнозирование рисков социально-политической дестабилизации в странах африканской макрзоны нестабильности / отв. ред. А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков. М.: ЛЕНАНД, 2021. С. 5–52.

Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. Формирование африканской зоны нестабильности // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2015. № 2. С. 88–99.

Коротаев А. В., Соковнина Е. М., Шадрова А. О. Эхо Арабской весны в странах Азии: опыт количественного анализа // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2020. С. 629–665.

Костелянец С. В. Терроризм в Африке: особенности, тенденции и перспективы // Пути к миру и безопасности. 2016. № 2. С. 101–113.

ООН 2019. Совет Безопасности. Семьдесят четвертый год. Предварительный отчет. 8670-е заседание. Среда, 20 ноября 2019 года, 15 ч. 30 мин. Нью-Йорк [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/PV.8670>.

Смысловских Е. А., Колесников И. В., Новиков В. А., Слав М., Коротаев А. В. Урбанизация и терроризм: опыт количественного анализа // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2020. С. 265–302.

Торин А. Трагедии и надежды современной Африки [Электронный ресурс] : Международная жизнь. 2017. 4 декабря. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18897>.

Филиппов В. Р. Актуальная геополитическая ситуация в Сахеле. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inafran.ru/node/2202>.

Юрлова Е. С. Индия: мусульмане и мусульманки. Проблемы религиозного меньшинства в многоконфессиональном обществе // Азия и Африка сегодня. 2007. № 10. С. 124–131.

Achilov D., Sen S. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? // International Political Science Review. 2017. No. 38(5). Pp. 608–624.

Byman D. Deadly Connections: States that Sponsor Terrorism. Cambridge, 2005.

Byman D. The Five Front War: The Better Way to Fight Global Jihad. Wiley, 2007.

Byman D. The Triumphs and Failures of Israeli Counterterrorism. Oxford, 2011.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives. Dordrecht; Heidelberg; New York, NY : Springer, 2019.

Osman T. *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT : Yale University Press, 2016.

Schumacher M. J., Schraeder P. J. Does Domestic Political Instability Foster Terrorism? Global Evidence from the Arab Spring Era (2011–2014) // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2019. Vol. 42. Pp. 1–25.

References

Armanyan N. Rol' Indii v protivostoyanii SSHA, Rossii i Kitaya ("Publico.es", Ispaniya) [India's Role in the Confrontation between the United States, Russia and China ("Publico.es", Spain)] : InoSMI. 2015. February 9. URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>.

Artamonov A. Khrupkost' Sakhelya. Pochemu voyennyy perevorot v Mali sulit problemey vsemu miru [Sahel's Fragility. Why a Military Coup in Mali Promises Problems for the Whole World]. 2020. URL: <https://republic.ru/posts/97554>.

Belokrenitsky V. Ya. Etnoregional'nyye i religiozno-sektantskiye konflikty v Pakistane [Ethno-regional and Religious-sectarian Conflicts in Pakistan] // *Konflikty na Vostoke: Etnicheskiye i konfessional'nyye* [Conflicts in the East: Ethnic and Confessional] / ed. by A. D. Voskresensky. Moscow : Aspekt Press, 2008. Pp. 326–346.

Gazetov V., Vetrov M. Sakhel' pod pritselom [Sahel at Gunpoint] : *Nezavisimoye voyennoye obozreniye*. 2020. November 14. URL: https://nvo.ng.ru/wars/2014-09-26/1_sahel.html.

Goncharov V. O dzhikhadistskom dvizhenii v Afrike [On the Jihadist Movement in Africa] : *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2017. December 4. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18895>.

Goncharov V. Afrika: dzhikhad krepchayet vyshe ekvatora [Africa: Jihad Grows Stronger above Equator] : *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2020. May 21. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26398>.

Grinin L. E. Arabskaya vesna i rekonfiguratsiya Mir-Sistemy [The Arab Spring and the Reconfiguration of the World System] // *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*. Vol. 3. *Arabskaya vesna 2011* [The Arab Spring 2011] / ed. by A. V. Korotayev, Yu. V. Zin'kina, A. S. Khodunov. Moscow : LKI/URSS, 2012. Pp. 188–223.

Grinin L. E. Islamizm kak sotsial'no-ekonomicheskiy fenomen [Islamism as a Socio-Economic Phenomenon] // *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*. Vol. 10 / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, K. V. Meshcherina. Volgograd : Uchitel', 2019a. Pp. 36–66.

Grinin L. E. Islamizm i protsessy globalizatsii [Islamism and Processes of Globalization] // *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*. Vol. 10 / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, K. V. Meshcherina. Volgograd : Uchitel', 2019b. Pp. 6–35.

Grinin L. E. Islamizm i globalizatsiya [Islamism and Globalization] // *Vek globalizatsii*. 2019b. No. 1. Pp. 18–34. DOI: 10.30884/vglob/2019.01.02.

Grinin L. E. Islamizm: istoriya i sovremennost' [Islamism: History and Modernity] // *Istoriya i sovremennost'*. 2019r. No. 2. Pp. 3–35.

Grinin L. E. Islamizm, radikalizm, postislamizm v ikh otnoshenii k sovetskim rezhimam i gosudarstvennoy ideologii [Islamism, Radicalism, Post-Islamism in their Relation to Soviet Regimes and State Ideology] // *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*. Vol. 11 / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, D. A. Bykanova. Volgograd : Uchitel', 2020a. Pp. 829–853.

Grinin L. E. Global'naya i regional'naya geopolitika kak destabilizatsionnyy faktor v Afraziyskoy zone nestabil'nosti [Global and Regional Geopolitics as a Destabilizing Factor in the Afrasian Zone of Instability] // Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov. Vol. 11 / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, D. A. Bykanova. Volgograd : Uchitel', 2020. Pp. 517–527.

Grinin L. E., Bilyuga S. E., Korotayev A. V., Grinin A. L. 2017. Vozrast gosudarstva i sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya: predvaritel'nyye rezul'taty koli-chestvennogo analiza [Age of the State and Socio-Political Destabilization: Preliminary Results of a Quantitative Analysis] // Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov. Vol. 11 / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, L. M. Issayev, K. V. Meshcherina. Volgograd: Uchitel', 2017. Pp. 141–169.

Grinin L. E., Issayev L. M., Korotayev A. V. Revolyutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke [Revolutions and Instability in the Middle East]. 2nd ed. Moscow : Moscow Branch of Uchitel' Publishing House, 2016.

Grinin L. E., Korotayev A. V. Urbanizatsiya i politicheskaya nestabil'nost': k razrabotke matematicheskikh modeley politicheskikh protsessov [Urbanization and Political Instability: Towards the Development of Mathematical Models of Political Processes] // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2009. No. 4. Pp. 34–52.

Grinin L. E., Korotayev A. V. Blizhniy Vostok, Indiya i Kitay v globalizatsionnykh protsessakh [Middle East, India and China in Globalization Processes]. Moscow : Moscow Branch of Uchitel' Publishing House, 2016.

Grinin L. E., Korotayev A. V. Islamizm i yego rol' v islamskom obshchestve: obshchiye kharakteristiki, funktsii i sotsial'naya baza [Islamism and its Role in Islamic Society: General Characteristics, Functions and Social Base] // Islamistskiye dvizheniya na politicheskoy karte sovremennogo mira. Issue 3. Afraziyskaya zona nestabil'nosti [Afrasian Zone of Instability] / ed. by A. M. Vassilyev, A. D. Savateyev, L. E. Grinin. Moscow : Institut Afriki RAN, 2019. Pp. 29–72.

Grinin L. E., Korotayev A. V., Issayev L. M., Shishkina A. R. Vvedeniye. Rekonfiguratsiya Mir-Sistemy i usileniye riskov politicheskoy nestabil'nosti [Introduction. Reconfiguration of the World System and Increasing Risks of Political Instability] // Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov. Vol. 6. Ukrainskiy razlom [Ukrainian Fault] / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, L. M. Issayev, A. R. Shishkina. Volgograd: Uchitel', 2015. Pp. 4–19.

Janabi M. M. Politicheskaya ideya sovremennogo islamotsentrizma (Filosofskokul'turologicheskiiy analiz) [The Political Idea of Modern Islamocentrism (Philosophical and Cultural Analysis)] // Islamskiye radikal'nyye dvizheniya na politicheskoy karte sovremennogo mira [Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World]. Vol. 1. Strany Severnoy i Severo-Vostochnoy Afriki [Countries of North and North-East Africa] / ed. by A. D. Savateyev, E. F. Kisriyev. Moscow: Lenand, 2015. Pp. 42–96.

Klyuev B. I. Religiya i konflikt v Indii [Religion and Conflict in India]. Moscow : IV RAN, 2002.

Korendyasov E. N. Sakhel': dzhikhadisty vnov' nastupayut. Chto delat'? [Sahel: Jihadists are Coming Again. What to Do?]. 2020. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/sahely-dzhiha-distivnovy-nastupayut-chno-delaty>.

Korotayev A. V., Aysin M. B., Zin'kina Yu. V., Romanov D. M. K prognozirovaniyu strukturno-demograficheskikh riskov sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh Afraziyskoy makrozony nestabil'nosti i Afriki yuzhneye Sakhelya [On Forecasting the Structural and Demographic Risks of Socio-political Destabilization in the Countries of the Afrasian Instability Macrozone and Africa South of the Sahel] // Sistemnyy monitoring global'nykh i

regional'nykh riskov. Vol. 11 / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, D. A. Bykanova. Moscow : Moscow Branch of Uchitel' Publishing House, 2020. Pp. 200–238.

Korotayev A. V., Grinin L. E., Issayev L. M. Vvedeniye. Afraziyskaya makrozona nestabil'nosti kak glavnyy istochnik riskov destabilizatsii v sovremennoy mir-sisteme [Introduction. Afrasian Macrozone of Instability as the Main Source of Destabilization Risks in the Modern World-system] // Kolichestvennyy analiz i prognozirovaniye riskov sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh afraziyskoy makrozony nestabil'nosti [Quantitative Analysis and Forecasting of the Risks of Socio-political Destabilization in the Countries of the Afrasian Instability Macrozone] / ed. by A. V. Korotayev, L. E. Grinin, S. Yu. Malkov. Moscow : LENAND, 2021. Pp. 5–52.

Korotayev A. V., Issayev L. M., Rudenko M. A. Formirovaniye afraziyskoy zony nestabil'nosti [Formation of the Afrasian Instability Zone] // Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2015. No. 2. Pp. 88–99.

Korotayev A. V., Sokovnina E. M., Shadrova A. O. Ekho Arabskoy vesny v stranakh Azii: opyt kolichestvennogo analiza [Echoes of the Arab Spring in Asia: A Quantitative Analysis Experience] // Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov. Vol. 11 / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, D. A. Bykanova. Moscow : Moscow Branch of Uchitel' Publishing House, 2020. Pp. 629–665.

Kostelyanets S. V. Terrorizm v Afrike: osobennosti, tendentsii i perspektivy [Terrorism in Africa: Features, Trends and Prospects] // Puti k miru i bezopasnosti. 2016. No. 2. Pp. 101–113.

OON 2019. Sovet bezopasnosti. Sem'desyat chetvertyy god. Predvaritel'nyy otchyot. Sreda, 20 noyabrya 2019 goda, 15 ch. 30 min. New York [UN 2019. Security Council. Year 74. Preliminary Report. Wednesday, November 20, 2019, 15:30. New York]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/s/pv.8670>.

Smyslovskikh E. A., Kolesnikov I. V., Novikov V. A., Slav M., Korotayev A. V. Urbanizatsiya i terrorizm: opyt kolichestvennogo analiza [Urbanization and Terrorism: A Quantitative Analysis Experience] // Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov. Vol. 11 / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, D. A. Bykanova. Moscow : Moscow Branch of Uchitel' Publishing House, 2020. Pp. 265–302.

Torin A. Tragedii i nadezhdy sovremennoy Afriki [The Tragedies and Hopes of Modern Africa] // Sovremennaya zhizn'. 2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18897>.

Filippov V. R. Aktual'naya geopoliticheskaya situatsiya v Sakhele [The Current Geopolitical Situation in the Sahel]. 2020. URL: <https://www.inafran.ru/node/2202>.

Yurlova E. S. Indiya: musul'mane i musul'manki. Problemy religioznogo men'shinstva v mnogokonfessional'nom obshchestve [India: Muslims and Muslim Women. Problems of Religious Minority in a Multi-Confessional Society] // Aziya i Afrika segodnya. 2007. No. 10. Pp. 124–131.

Achilov D., Sen S. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? // International Political Science Review. 2017. No. 38(5). Pp. 608–624.

Byman D. *Deadly Connections: States that Sponsor Terrorism*. Cambridge, 2005.

Byman D. *The Five Front War: The Better Way to Fight Global Jihad*. Wiley, 2007.

Byman D. *The Triumphs and Failures of Israeli Counterterrorism*. Oxford, 2011.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives*. Dordrecht; Heidelberg; New York, NY : Springer, 2019.

Osman T. *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT : Yale University Press, 2016.

Schumacher M. J., Schraeder P. J. Does Domestic Political Instability Foster Terrorism? Global Evidence from the Arab Spring Era (2011–2014) // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2019. Vol. 42. Pp. 1–25.